

6. Современный русский язык. Ч. 3. Синтаксис. Пунктуация. Стилистика / П. П. Шуба, И. К. Германович, Е. Е. Долбик и др.; под редакцией П. П. Шубы. – 2-е изд., испр. и доп. – Минск : ООО «Плопресс», 1998. – 576 с.
7. Хомяков, В. А. Нестандартная лексика в структуре английского языка национального периода: автореф. дис.... д-ра филол. наук: 12.00.78 / В. А. Хомяков. – Л., 1980. – 39 с.
8. Юнаковская, А. А. Разговорная речь носителей массовой городской культуры (на материале г. Омска) / А. А. Юнаковская. – М. : Аспект Пресс, 2007. – 198 с.

ПРОБЛЕМА ЭТНИЧЕСКОЙ ВИКТИМИЗАЦИИ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Н. И. Гончарова

Одесский государственный университет внутренних дел
ул. Успенская, 1, 65001
Одесса, Украина
e-mail vchen@ukr.net

Статья посвящена рассмотрению проблемы этнической виктимизации и преступлений на почве национальной нетерпимости как деструктивных форм межкультурной коммуникации. Выделяются факторы, способствующие эскалации межнациональных конфликтов и перерастанию их в межгрупповое насилие.

Ключевые слова: межнациональный конфликт, преступления на почве национальной нетерпимости, этническая виктимность, этническая виктимизация.

THE PROBLEM OF ETHNIC VICTIMIZATION IN INTERCULTURAL COMMUNICATION

N. I. Honcharova

Odesa State University of Internal Affairs
Uspenskaya St. 1, 65001, Odessa, Ukraine
e-mail: vchen@ukr.net

The article addresses the problem of ethnic victimization and crimes motivated by national intolerance as destructive forms of intercultural communication. The factors that contribute to the escalation of interethnic conflicts and their development into inter-group violence are determined.

Key words: interethnic conflict, crimes motivated by national intolerance, ethnic victimality, ethnic victimization.

Стремительное развитие межкультурной коммуникации как феномена повседневной общественной жизни выводит на первый план рассмотрение тех проблем, которые возникают в сфере столкновения различных культурных норм и притязаний. При этом понятие культуры не обязательно несет в себе национальный оттенок. Столкновение или диалог культур может проходить на социальном, конфессиональном, гендерном или ином поле. Вместе с тем этническая характеристика культуры настолько значима, что зачастую понятие «межкультурной коммуникации» фактически приравнивают к представлениям о коммуникации межнациональной. В свете последнего замечания весьма важным представляется рассмотрение деструктивных форм межкультурной коммуникации, таких как преступления на почве национальной нетерпимости и этническая виктимность.

В качестве предмета научного исследования данная проблема выделена относительно недавно, в конце прошлого века. Однако в силу ее естественной связи с проблемами этногенеза и этнической идентичности с одной стороны, а также соотнесенности с криминологическими и социопсихологическими исследованиями деликтной активности с другой стороны можно говорить о сформированности базовых категорий и первоначального массива научных исследований. Так, конвенциональная («пограничная») природа этничности рассматривается в работах Ф. Барта, вопросам национального восприятия мира посвящены труды Г. Гачева, анализ природы межэтнических конфликтов проводится в исследованиях Л. Дробижевой. Вопросам агрессии и виктимности в межнациональных отношениях посвящены работы Ф. Баркова, О. Горбачовой, О. Кривицкой, Н. Лебедевой, В. Тишкова.

В самом общем смысле к преступлениям на почве национальной нетерпимости («преступлениям ненависти») относят все деликты, в которых жертва (объект, цель) противоправного деяния были выбраны по признаку их реальной или воображаемой связи с определенной этнонациональной общностью (этнической группой, нацией). При этом правонарушитель может не испытывать негативных эмоций по отношению к конкретной жертве, она вызывает агрессию только как представитель определенного этноса.

Спектр противоправных деяний такого рода достаточно широк — от вербальных угроз и жестикулярных оскорблений до реальных насильственных действий (нападений, поджогов, убийств), что

не позволяет однозначно отнести их именно к преступлениям. Предложенный термин носит скорее обобщающий характер и употребляется социологами и криминологами с целью указания на мотив подобных деликтов — сознательное причинение вреда не столько конкретной жертве, сколько всему этносу, представителем которой она является [1, с. 68].

Проблема виктимности как факта общественной жизни была выделена в середине прошлого века в связи с пристальным вниманием, обращенным к жертве преступления. Некие «особенности» («особые качества») индивида, способствующие тому, что именно его выбирает преступник в качестве потенциальной жертвы, стали предметом изучения в рамках криминологии (учения о преступлении), а позднее — в рамках виктимологии (учения о жертве преступления). Первичные теории виктимности включали в себя наряду с рациональными выводами значительное число мистифицированных представлений, к примеру, об особом «запахе жертвы» или неких «флюидах», улавливаемых преступником.

В настоящее время существуют формулы, с помощью которых можно математически рассчитать возможность для каждого индивида стать жертвой того или иного преступления, учитывая его возраст, пол, место проживания, профессию, а также психологические характеристики, которые в некоторых случаях повышают его уязвимость и, таким образом, являются причиной повышенной виктимности. Сложилось также более корректное представление о самой жертве, соотносящее уровень виктимности не с некоторыми «способностями» потенциальной жертвы, а с уровнем ее уязвимости, который определяется прежде всего уровнем преступности и только во вторую очередь — специфическими особенностями конкретной личности. В последние годы особое внимание вызывают проблемы массовой виктимности, где жертвой выступает не отдельный индивид, а целые группы, объединенные каким-либо общим признаком, в частности, признаком национальной общности.

С точки зрения криминологии этническая виктимность может быть определена как уязвимость этнического субъекта (индивида или этнической общности в целом) в отношении деликтов (преступлений и правонарушений), совершенных на почве национальной нетерпимости. Таким образом, этническая виктимность выступает «обратной стороной» преступлений на почве ненависти, их целью и результатом.

В рамках теории коммуникации этническая виктимность — результат специфических трансакций, имеющих своей целью наглядную демонстрацию негативного отношения к этнической общности в целом, неприятие этой общности и ее представителей в качестве равноправных партнеров социального взаимодействия. Накопление и возрастание количества административных и криминальных деликтов в отношении представителей определенного этноса может быть обозначено как явление этнической виктимизации — повышения уровня виктимности данного этноса.

Предельной формой этнической виктимизации выступают геноцид и этноцид, т. е. сознательные намерения и действия, направленные на физическое уничтожение представителей определенной национальности. Менее глобальными, но тяжкими по своим последствиям являются нападения на отдельных лиц, поселения или жилые кварталы этнических меньшинств, кражи и уничтожение имущества, разрушение национальных святынь, создание атмосферы нетерпимости путем повседневных угроз, издевательств и оскорблений, высказанных устно или письменно (в специальных изданиях, на интернет-сайтах, в самодельных листовках, граффити и т. п.). Со стороны органов власти виктимизация часто принимает форму дискриминации по национальному признаку или же т. н. этнического профайлинга (предубежденного отношения к лицам в связи с их национальной идентичностью).

Таким образом, фактической жертвой в ситуации этнической виктимизации выступает вся этническая общность как коллективный субъект. Любой представитель этой общности ощущает свою незащищенность, желание тем или иным способом отомстить агрессору и, конечно, предупредить дальнейшие угрозы. Это желание, в свою очередь, может стать причиной агрессивного отношения ко всем представителям иной национальности и перерасти в длительный цикл взаимного насилия и ненависти.

В качестве коммуникативных актов конкретные деликты на почве национальной нетерпимости могут содержать ошибки адресации, интерпретации и прогнозирования.

В случае ошибки адресации жертвами деликта оказываются представители иного этноса, не того, на который был направлен посыл предубежденности и/или ненависти. (Так, в качестве пресловутого «лица кавказской национальности» может подвергаться дискриминации узбек).

Ошибочная интерпретация влечет за собой неверную оценку события, например, деликты на почве ненависти не связываются с конкретной этнической идентичностью, а расцениваются как преступления общекриминальной направленности.

Ошибки прогнозирования связаны с наступлением непредусмотренных результатов: ответом на вербальное или жестикулярное оскорбление может стать нанесение тяжких телесных повреждений или даже убийство. В этом случае акторы-инициаторы конфликта сами становятся его жертвами. Более того, не принимая во внимание социальный контекст собственных поступков, они не в состоянии предусмотреть экономические, политические, правовые и иные последствия своих действий, которые могут отразиться как непосредственно на субъектах деликта, так и на более широких слоях: этнической или социальной группе, государстве в целом.

Вместе с тем существует определенный массив «нормальных» вариантов межнациональных конфликтов, реализующихся в социальном взаимодействии и только лишь формально подпадающих под понятие «преступлений ненависти». Граница между «нормой» и ее нарушением в действительности настолько изменчива, что нередко попытки урегулировать незначительные правонарушения, опираясь на формально-юридические предписания, приводят к дестабилизации ситуации, а не к ее упорядочиванию. Так, шутки и анекдоты этнической направленности, сленговые этнонимы, считающиеся вполне приемлемыми в период относительной стабильности межнациональных отношений, приобретают резко негативную окраску и вызывают спонтанную отрицательную реакцию в кризисные периоды.

Каковы же побудительные мотивы этнической виктимизации? Что заставляет конфликтовать представителей различных этносов, зачастую — соседей и земляков, имеющих многолетний опыт мирного сосуществования? Помимо вполне очевидных причин, как-то: различного рода политических провокаций, утраты общих целей, разрушения единой системы социальных ценностей и рекламы социальной агрессии как способа самореализации — должны существовать еще более глубинные основания для подобных поведенческих феноменов. Без их понимания невозможно создать систему корректных методов разрешения данной проблемы. При этом речь не идет о полном искоренении межэтнических и межкультурных конфликтов, поскольку как для индивида, так и для этнической

общности конфликт выступает жизненно необходимой трансакцией, без которой невозможна нормальная социальная адаптация. Задача состоит в том, чтобы предотвратить превращение межкультурных конфликтов в межгрупповое насилие.

В качестве специфического аспекта международных и межэтнических отношений этническая виктимизация стала рассматриваться относительно недавно. С формально-правовой точки зрения об этнической виктимизации можно говорить лишь с момента признания международным сообществом концепции равенства наций и национальных культур и ее легитимации посредством ряда значимых нормативно-правовых актов (Международного билля о правах человека [2], Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации [3] и т. п.). Фактически — со второй половины прошлого столетия. Однако само явление унижения и преследования людей по национальному признаку известно человечеству в течение многих веков. Фундамент современной этнической виктимности закладывался в процессе формирования, исторического развития и взаимодействия различных этнообразований и составляет собой специфический социальный опыт межэтнических конфликтов как отдельной формы межкультурной коммуникации. Поэтому связь преступности и виктимности с определенными этническими характеристиками должна рассматриваться как часть более широкого исторического и культурного контекста, который позволяет нам выявить причины и следствия столкновения этносов, а также массивов этнокультурных норм и ценностей, содержащихся в национальном сознании и самосознании.

Сам процесс развития самосознания отдельного народа осуществляется отнюдь не в национальном вакууме, а, напротив, в многонациональном пространстве и проходит через два основных этапа. На первом, подчиняясь общей объединительной тенденции, народ (точнее, этнос), более направлен на усвоение достижений чужой культуры. Идет процесс активного сравнения, сопоставления, взаимобмена материальными и духовными ценностями, что не исключает, а, наоборот, предполагает множество конфликтов. По сути, вся история взаимоотношений соседствующих народов есть продолжающийся контакт-конфликт, имеющий не только историческую, но и национальную ценность. В столкновении с нормами чужой культуры, с иными системами мировосприятия и миропонимания народ впервые открывает себя как нечто отличное от другого.

На первом же этапе формируется культурное ядро национального сознания развивающегося этноса. К этому ядру относятся мифы о совместном происхождении этноса (вплоть до мифа о происхождении от единого первопредка), о кровном, генетическом родстве его представителей, о его «славном прошлом», о его исконном верховенстве, преимуществе по отношению к другим (самые красивые, самые трудолюбивыми, самые умные и т. п.). Ценность и масштабность событий выстраивается здесь безотносительно их действительной соотнесенности. Незначительный военный конфликт превращается в полномасштабную войну, поражение — в победу, выстраиваются иллюзорные линии родства с известными историческими личностями и общностями, формируется сверхценная оценка достижений по отношению к собственным историческим личностям.

Для второй стадии характерны активные действия, направленные на завоевание культурной, политической и экономической независимости. Вокруг мифологического ядра национального сознания формируется историческая оболочка, в которой события прошлого и настоящего выстраиваются уже в хронологической последовательности и осуществляются попытки их объективного сравнения. Самосознание этноса теперь не ограничивается признанием себя в качестве самостоятельной общности, но стремится к признанию со стороны других народов (этносов). Оно выражает способность этнонационального, точнее, этносоциального субъекта соотносить собственное бытие, собственную деятельность, собственные нормы культуры с иным бытием, иной деятельностью, с иными нормами, в пределе — с нормами общечеловеческой культуры и оценивать себя в соответствии с ними.

В дальнейшем этнос либо успешно реализует свои национально-государственные притязания в форме самостоятельного государства, либо продолжает существование в составе более мощной державы. Однако в периоды кризисов, в эпоху распада стабильных идеологических и социальных структур именно мифологическое ядро этноса представляет собой социально-психологическую нишу, обещающую некоторую стабильность и уверенность в себе. Позиция эгоцентризма, потерявшая свою актуальность в процессе развития взаимоотношений с другими этносами, вновь становится привлекательной, и окружающий мир оценивается исключительно с точки зрения полезности или угрозы существования самому субъекту на-

ционального сознания. («Так это идет издревле, когда понятие "человек" у каждого племени относилось к своим членам. Двуногие же существа кругом — это уже не человечество, а природа») [4, с. 135].

Своеобразной интерпретацией данного убеждения является распространенное в XIX в. представление о том, что мир состоит из различных расовых и этнических групп *с различными способностями и возможностями*. Оно привело к выводу, что людей можно поделить соответственно данным группам, выстроив своеобразную иерархию «высших» и «низших» этносов и, соответственно, «высших» и «низших» культур. Эти воззрения, составляющие идеологический фундамент глобальных колониальных систем, обладают определенной притягательностью для некоторой части наших современников, формируя обширное размытое пространство разнообразных конфликтов.

При этом для отдельного индивида сознательная виктимизация представителей отделенных этнических групп чаще всего выступает формой инструментальной агрессии, направленной в конечном итоге на достижение совершенно иных целей.

Для лиц пубертатного возраста национально ориентированная агрессия и ее результат — этническая виктимизация — могут быть:

- одной из форм самоосознания и самоидентификации посредством конфликта с «другими»;
- приемлемой и/или негласно одобряемой формой социальной канализации агрессивных настроений;
- способом деструктивной самореализации через унижение и подчинение других лиц;
- способом самоутверждения в референтной группе.

По мере взросления индивида вышеназванные факторы постепенно утрачивают свою значимость, оставаясь приоритетными только для лиц с замедленными темпами социализации. Однако возрастает роль других факторов: борьба за рабочие места и престижные должности, доступ к властным полномочиям и материальным ресурсам, раздел сфер влияния, конкуренция, — все это может стать причиной для формирования этнической нетерпимости и национально ориентированной агрессии. Помимо этого, виктимизирующие действия могут выступать деструктивной формой самозащиты, своеобразным «ответом» на внешнюю этническую агрессию, политическую и/или культурную экспансию другого этноса.

Для лиц преклонного возраста характерна абсолютизация родной культуры и негативизация незнакомых культурных паттернов как потенциально небезопасных. Представители этой возрастной группы могут не участвовать непосредственно в асоциальных действиях, но создавать атмосферу дозволенности той или иной формы поведения в отношении представителей других этносов. Этнические шутки и оскорбления из уст лиц пожилого возраста часто воспринимаются как концентрация жизненного опыта, хотя на самом деле они представляют собой только психологически выгодные аргументы для легитимизации собственных негативных мотиваций.

Для всех возрастных групп значимой является мотивация, связанная с сексуально-брачными притязаниями (собственными либо же ближайших родственников), поскольку именно включение в круг семьи выступает высшей формой социального доверия и принятия.

Весьма характерно, что все вышеобозначенные факторы не обязательно связаны с национальными характеристиками. При отсутствии представителей иных этносов агрессивные намерения могут быть реализованы в отношении любых других «чужаков» (вообще «других») — приезжих, иначе одетых и т. п. Однако агрессия, состоявшаяся как акт этнической виктимизации и не вызвавшая однозначного осуждения, вне зависимости от ее реальных целей может спровоцировать усиление национальной нетерпимости как со стороны этноса-жертвы, так и со стороны инициаторов конфликта.

Литература

1. Горбачова, О. В. Злочини ненависті: аналіз поняття та проблеми виявлення / О. В. Горбачова // Вісник Харківського Національного університету внутрішніх справ. – 2009. – Вип. 45. – С. 68–74.
2. Международный билль о правах человека // Декларации, конвенции и соглашения по правам человека Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/hr_bill.shtml.
3. Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации // Конвенции и соглашения Организации Объединенных наций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/raceconv.shtml
4. Гачев Г. Национальные образы мира / Г. Гачев. – М. : Советский писатель, 1988. – 448 с.